

могут быть присущи всему населению или его части, т. е. образ жизни. Таким образом, хочет того автор или нет, но он использует и социальную характеристику. Раз так, то этот принцип следует выдержать и по отношению к другим таксономическим уровням систематики. А получается, что в одном случае автор строит свою типологию по технологическим показателям (их, кстати, у него большинство), особенно это касается равнинного скотоводства, а в исследовании горной зоны использует еще и социальные показатели. Систематика нарушается. Хотелось бы, чтобы социальный признак был учтен на всех уровнях систематики, а не только в Заключении к книге.

Что касается комплекса технологических признаков, то здесь разработка проведена автором детальнейшим образом, и картина многообразия видов содержания скота дана в работе исчерпывающе.

Завершая рецензию книги М.-З. О. Османова, еще раз хочу отметить богатую историографию, достаточно полно использованную в работе, причем весьма корректно и с уважением автор отнесся к неоднозначным позициям своих коллег и предшественников. Нередко в книге обращение к работам по соседним регионам Кавказа, благодаря чему обнаруживается историко-культурная общность и различия изучаемых регионов. В частности, автор неоднократно ссылается на материалы по Азербайджану, находя существенные параллели своим данным. К сожалению, среди последних ссылок отсутствуют работы по аналогичным проблемам таких компетентных авторов, как Г. А. Гавилова и Г. Д. Джавадова, конкретные материалы и обобщения которых раскрывают немало интересного в культурно-исторических связях Кавказа в целом.

В заключение можно уверенно сказать, что наша наука обогатилась еще одним серьезным исследованием в области истории скотоводства. То, что эта работа интересна не только кавказоведам, но и широкому кругу ученых других специальностей, что она будит мысль, призывает поспорить с автором — я рассматриваю как большое ее достоинство. Эта книга — не просто детальное региональное исследование, а весьма перспективная база для более широких теоретических обобщений в области истории хозяйства, освоения человеком окружающей его природной и культурной среды.

К. П. Калиновская

Примечания

¹ См.: Калиновская К. П. Хозяйственный и общественный строй скотоводов Восточной Африки в XIX — начале XX в. // Автореф. докт. дис... ист. наук. М., 1989; *её же*. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. М., 1989.

© 1993 г., ЭО, № 1

Н. Ф. Мокшин. Тайны мордовских имен (исторический ономастикон мордовского народа). Саранск, 1991. 109 с.

Рецензируемая книга известного советского этнографа, историка, специалиста по этнической ономастике, заслуженного работника культуры РСФСР, Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» — первое в отечественной и мировой науке сочинение, в котором всесторонне рассматриваются различные аспекты корпуса мордовского ономастикона. Работа написана на основе широкого круга источников — полевых этнографических, фольклорных, ономастических, картографических данных, многие из которых собирались автором в экспедициях в течение более чем трех десятилетий; свидетельства архивов, летописей, разнообразной литературы. Несомненной научной заслугой Н. Ф. Мокшина является создание первого комплексного исследования мордовской ономастики (прежде всего, этнонимов, антропонимов, топонимов, теонимов). Через всю книгу красной нитью проходит мысль о древних культурных контактах и взаимовлияниях мордовского народа с его соседями.

Монография Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» — важное звено в цепи актуальных ономастических исследований, проводящихся в Поволжье уже не одно десятилетие. Немалое значение для этих исследований имеют конференции по ономастике Поволжья, проходившие с 1967 г. по инициативе В. А. Никонова (1904—1988 гг.). В 1989 г. в Волгограде прошла VI конференция по ономастике Поволжья. Активное участие в работе этих научных форумов принимали и принимают ученые из Мордовии. В 1973 г. одна из Поволжских конференций была организована в Саранске. Вообще надо отметить, что в последние десятилетия в изучении мордовского ономастикона достигнуты немалые результаты. Существенный вклад в развитие ономастической науки в Мордовии внесли такие ученые, как Б. А. Серебренников, А. И. Попов, В. А. Никонов, Л. Л. Трубе, Т. П. Федянович, Н. Ф. Мокшин. Особо надо отметить труд И. К. Инжеватова «Топонимический словарь Мордовской АССР» (первое издание — в 1979 г., второе — в 1987 г.).

Исследования ономастики народов Поволжья вообще и мордовской ономастики в частности в наши дни, когда возрастает национальное самосознание народов нашей страны, активизируется интерес к своей истории, языку, культуре, традициям, приобретают особую значимость и актуальность.

Вот почему отрядным явлением представляется и появление книги Н. Ф. Мокшина. Необходимо подчеркнуть, что ономастика уже давно входит в круг научных и практических интересов автора, который является председателем Союза краеведов Мордовии, а также членом Комиссии по названию административно-территориальных единиц и населенных пунктов Президиума Верховного Совета Мордовии. Перу Н. Ф. Мокшина принадлежит ряд публикаций как в местной, так и в республиканской печати, посвященных разным ономастическим сюжетам, особенно этническим аспектам этой науки. Рецензируемая книга — важный этап его научных изысканий на поприще этнической ономастики мордовского народа.

Труд Н. Ф. Мокшина открывает раздел «Из истории изучения мордовского ономастикона». В отдельных главах анализируются этнонимы, антропонимы, топонимы и теонимы мордовского народа. В приложении дан список мордовских личных имен (в русской адаптации). Проблемы ономастики мордовского народа Н. Ф. Мокшин рассматривает в контексте этногенеза, этнической и культурной истории мордвы, постоянно подчеркивая наличие в составе мордовского этноса двух субэтносов — *эрзя* и *мокша*.

Для научной общественности и широкой читательской публики исследования Н. Ф. Мокшина по мордовской этнонимии, несомненно, представят большой интерес. Автор детально рассматривает историю появления и употребления этнонимов *мордва*, *эрзя* и *мокша*, раскрывая их этимологию. Критикуя неудачные этимологии этнонима *мордва*, порою имеющие негативный характер (с оттенком прозвища), Н. Ф. Мокшин убедительно показывает, что этот этноним восходит к иранскому слову, обозначающему понятие «человек». Он пишет: «Итак, слово *мордва* никогда не являлось этническим прозвищем. Его интерпретация в качестве такого научно несостоятельна. По происхождению этноним *мордва* родствен этнонимам *удмурт*, *коми-морт*, *мурома*, *мари*, *меря*. Все они своей основой восходят к иранскому слову *magd* — «человек» (с. 14). Внимание автора привлекли и другие этнонимы мордвы: *эрзя* и *мокша*. По его мнению, они также имеют индоевропейские истоки: этноним *эрзя* связан с иранским понятием — «самец», «мужчина», «герой», а этноним *мокша* восходит к индоевропейскому по происхождению гидрониму — Мокша (с. 16). Может быть, этнонимы *эрзя* и *мокша* лучше было бы называть не субэтнонимами, как предлагает автор (с. 24), а этнонимами другого таксономического уровня.

Специальный раздел посвящен в книге этническим названиям *каратаи*, *терюхане*, *шокша* (с. 24—31). Все эти три названия имеют оттопонимическое происхождение. По мнению Н. Ф. Мокшина, они являются псевдоэтнонимами. Убедительной представляется точка зрения автора, что названия *каратаи*, *терюхане*, *шокша* не могут быть поставлены в один ряд с этнонимами *мокша* и *эрзя*. Однако хочется обратить внимание на то, что приводимые в книге этнографические материалы об этих группах, свидетельствующие о специфике их исторического, культурного, лингвистического и этнического развития, позволяют, как нам представляется, рассматривать, например, группы *каратаи* и *терюхане* (хотя бы в историческом плане) как этнографические группы в составе мордовского народа, но, конечно, более низкого таксономического уровня, чем *эрзя* и *мокша*. Словом, систематизированный Н. Ф. Мокшиным материал по этнонимии мордовского народа имеет огромное значение для решения важных теоретических проблем об иерархичности этнонимов, а следовательно, и иерархичности этнических общностей.

Детально исследуются названия, которые мордовский народ дает своим соседям.

Большой интерес представляет глава, посвященная традиционной мордовской антропонимии. В таком объеме, как в книге Н. Ф. Мокшина, мордовская антропонимия исследуется в нашей науке впервые. Автор рассматривает традиционные, христианские имена мордовского народа, представленные в русских летописях XII—XIV вв. и в мордовском фольклоре. Особенно запоминаются страницы книги, посвященные таким древнемордовским антропонимам, как *Пургас*, *Мокший*, *Кирдяна* и *Тюштя* (с. 38—46).

Характеризуя женские традиционные имена мордовского народа, Н. Ф. Мокшин раскрывает своеобразие старинных обычаев наречения (известных по литературным источникам еще в XVIII в.) молодых женщин-снох особыми семейными «жизненными» именами (с. 46—52). Среди них выделяются такие поэтические имена, как *Парава* («хорошая женщина»), *Мазав* («красивая женщина»), *Ашава* («белая женщина»), *Вежава* («младшая женщина»), *Сырьява* («золотая женщина»). Имена эти, как показывает автор, первоначально употреблялись для обозначения свойства, а затем превратились в антропонимы. Н. Ф. Мокшин раскрывает и сущность древнего обычая наречения младенца (*лемдима*). Думается, что приведенные автором этнографические материалы будут с большим вниманием восприняты и специалистами, и широким кругом читателей. Н. Ф. Мокшин особо выделяет в именной мордовского народа следы мордовско-тюркских (с. 54—56) и мордовско-русских (с. 56—62) этнокультурных контактов. Подробно рассматриваются и выявляются закономерности формирования фамилий у мордвы (с. 62—69). Впервые в науке в книге охарактеризованы псевдонимы, которые стали появляться в среде мордовской творческой интеллигенции со второй половины XIX — начала XX в. Самым известным из них стал псевдоним выдающегося мордовского скульптора Степана Дмитриевича Нефедова-Эрзя. Несомненно, в выборе этого псевдонима, восходящего к одному из важнейших мордовских этнонимов, отразились рост национального самосознания и стремление к национальному самоутверждению (с. 69). Как показывает Н. Ф. Мокшин, наибольшее распространение получили псевдонимы среди мордовских писателей, поэтов, журналистов, деятелей искусства в 1920-х — начале 1930-х годов, когда наблюдался подъем национальной культуры, рост национального самосознания.

Анализируя мордовские топонимы, Н. Ф. Мокшин особое внимание уделяет мордовским топонимическим моделям. Он подчеркивает, в частности, что данные топонимии свидетельствуют о более широком расселении мордвы в прошлом — она проживала в том числе и на территории современной

Нижегородской области. О давних связях мордвы с тюркскими народами, и в первую очередь с татарами, свидетельствуют тюркизмы в их топонимии (например, компоненты *тархан*, *мурза*, *хаджи*).

В главе «Теонимы» (кстати, необходимо отметить, что сам термин «теоним» был введен в нашу ономастическую науку Н. Ф. Мокшиным) анализируются имена божеств древнейшего мордовского пантеона. Интересные страницы, посвященные анализу имени верховного божества мордвы — *Шкай*, *Нишке*, почитавшегося как у мокши, так и у эрзи.

В Заключении Н. Ф. Мокшин формулирует основные выводы работы: исследование мордовского ономастикона свидетельствует о самобытности и своеобразии культурно-этнографического облика мордвы, а также отражает давние этнокультурные контакты эрзи и мокши с соседними народами.

Несколько слов надо сказать о «Списке мордовских личных имен (в русской адаптации)», данном в приложении. В «Списке» выделено 14 групп. Несомненно, обширный систематизированный список традиционных личных имен мордовского народа, составленный Н. Ф. Мокшиным — новое слово в науке. Это и итог его многолетней работы, и неоценимый источник для дальнейших исследований и поисков.

Книга Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» определена как научно-популярное издание. Она написана доходчивым языком и читается с большим интересом. Привлекательны отдельные заголовки, например: «Мордва — имя народа или его прозвище?», «Как мордва называла и называет соседние народы?» Любознательный читатель найдет для себя в этой книге ответы на интересующие его вопросы, связанные с мордовскими именами. Книга, несомненно, будет иметь широкую читательскую аудиторию не только в Мордовии и в Поволжье, но и по всей России. Она поможет укреплению интереса к самобытной культуре, этнографии, ономастике мордовского народа.

Выход книги Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» — значительное событие в развитии отечественной этнографии и ономастики.

Р. Ш. Джарылгасинова

© 1993 г., ЭО, № 1

Е. А. Гаер. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в. М., 1991. 127 с.

Традиционная обрядность амурских народов, воплотившая в себе архаические представления и обычаи, полные экзотики и загадок, знакома читателям благодаря трудам нескольких поколений российских этнографов. В 1991 г. богатая литература по этнографии амурского региона пополнилась новым ярким и интересным исследованием — монографией Е. А. Гаер «Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в.»

Эта небольшая книга, вышедшая в издательстве «Мысль», очень быстро была раскуплена, и не только потому, что ее автор Евдокия Александровна Гаер известна в стране как активная правозащитница малочисленных народов, но и благодаря возросшему в нашем обществе интересу к северной тематике, в том числе к традиционной культуре коренных народов Севера.

В основе книги собственные полевые материалы Е. А. Гаер, собранные ею в 1971—1984 гг., в период работы в составе этнографо-филологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения АН СССР. Широко привлечены также литературные и архивные источники. Большую помощь в написании книги оказал Е. А. Гаер покойный ныне Илья Самуилович Гурвич.

Глубокое знание автором культуры своего народа, родного нанайского языка, национального характера, чувство духовной и эмоциональной сопричастности к описываемому придают работе свежесть и выразительность.

В большинстве современных исследований, посвященных обрядовой тематике, ученый выступает или как беспристрастный сторонний наблюдатель обряда, или как безжалостный его анатом, вычленивший отдельные структурные и функциональные ритуальные компоненты. В результате часто теряется целостное представление об обряде, он предстает перед читателем как бы неживым, вырванным из контекста народного быта.

В монографии Е. А. Гаер мы не видим привычной «анатомии» обряда. Автор преподносит обряд бережно, со всеми его нюансами и штрихами, как органическую принадлежность традиционного мира нанайцев.

Рассматриваются четыре комплекса нанайской обрядности: промысловый, родильный, свадебный и похоронный. Каждому виду обрядов посвящена особая глава, условно состоящая из двух частей: описательной и аналитической. В описательных разделах глав автор великолепно преподносит собственные полевые материалы: обряд как бы раскрывается изнутри, мы видим и ощущаем его глазами и чувствами самих нанайцев, его исполнителей и хранителей. Приоткрывается завеса над скрытой стороной обряда, над его таинством, недоступным взгляду постороннего наблюдателя.

В аналитической части глав проводится сопоставление нанайских обрядов с аналогичными